

Александр КЛИМОВ-ЮЖИН

КАРТИНКИ ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИИ

1

Из всех Тюдоров мне нравится Генрих Восьмой.
Вот, к примеру: захотел развестись с женой,
Послал папу и стал Англиканской церкви главой,
Сам себя развел, а кто не согласен, к ереси значит причастен.
Впрочем, уже не причастен, распротысь с головой.
Надоела жена? Отрубил ей голову или объявил сестрой,
Вновь женился и вновь отрубил жене голову, —
На щеках румянец, аппетит под стать борову,
Не соскучишься при жизни такой.
Анна Болейн, Кромвель, Генри Говард граф Суррей
Украшали жизнь счастливейшего из королей,
Пока им тоже не отрубили голову.
Как-то я шел, а навстречу мне бомж,
На Генриха каждым мазком похож
С портрета Гольбейна, с бутылкой портвейна, один, без вельмож.
Да, Генрих Восьмой просто копия, пьяный, как Томаса Мора утопия.
В общем, несчастнейший из людей, как некогда счастливейший из королей,
Хоть безголовый, а все же жить здорово.

2

Безумие Георга Третьего

*На прогулке Георг Третий очень неожиданно
вежливо раскланялся с деревом в парке,
потому что он видел на месте этого дерева
прусского короля, Фридриха Второго Великого.*

Здравствуйте, Фридрих,
Тетя Кристина,
Здравствуйте липа и дуб,
Здравствуйте, милые граб и осина...
Все говорят, что я груб,
Немец, а правлю английским престолом,
Даже жена у меня —
Немка, живет по немецким законам,
Вы-то мне тоже родня.

Александр Николаевич Климов родился в городе Южа в 1959 году. Автор четырех поэтических сборников. Один из основателей газеты «Театральный курьер». Лауреат премии «Нового мира» за 2008 год. Живет в Москве.

Вот мне от вас и безумства оковы,
В Виндзоре разве вольно?!
Стать англичанином немцу по крови —
Это совсем не смешно.
Стал же им Гершель,
Стал же им Гендель,
Дед мой покойный Георг.
Был бы гешефт тут, Всевышний свидетель, —
Предназначение и долг.
Я ваши руки и ветки целую,
Пальцев сжимаю листву,
Но за Британию, с детства родную,
Пасть вам мгновенно порву.
Так что вперед мои вязы и тисы
С копьями наперевес,
Стрелы — лещины, ядра — самшиты,
Славный Бирнамский мой лес.
Кленов знамена, шпалеры настурций,
То-то ж я вам покажу
Наполеонов... Дух революций
На дух не переносу.
Прелость корней,
Вкус земляники,
Все разнотравье лугов,
Запах лаванды и вероники —
Вот что вдыхать я готов.
Влагу алкают политые грядки,
Тянется к Пруссии мак,
Оспой на грунте дождя отпечатки,
Зонтик раскрыл пастернак.
Завтра из ревеня с милой Шарлоттой
Будем варенье варить,
Виги и Тори, обрыдли до рвоты
В кознях меня низложить.
Не облегчает забвением бренди
Порфиноносную боль,
Рода проклятия бродит в сорбенте,
Но я английский король.

3

Викторианская эпоха

Жить бы где-нибудь в Брандфорде
Во времена викторианской эпохи,
Затеряться между протестантами
Подальше от суматохи,
Мегаполисов, омнибусов, вони, смога,
В церковь ходить в воскресенье —
Не верить в Бога.

Слушать гимнов пасхальных детское пение,
Нищим раздавать на паперти сдачу,
Хорошо бы еще иметь и собственное имение,
К собственному мнению именье иметь в придачу.
О, как влекут меня рыжие англичанки,
Честь охраняют их чопорные джентльмены,
Все они пуритане, все они пуританки,
Все они валяются в мыслях на сеновал измены.
В темных гостиных их на стенах Констебл и Тернер,
А на фрай-ап на столах — овсянка и пудинг,
Выезд с семейством на Эр во вторник,
Луг перед домом пострижен и изумруден.
Вот экономки в корсете и пышны груди,
Как неприступностью пальцы влечет шнуровка,
Но кавалер со спины овладел ей ловко,
Юбку задрал, пристроился и принудил.
Стон переходит в шепот, что скажут люди?
Но интенданту в окне машет чертовка
(Тайну хранит разврат, добродетель судит),
Сэру Артуру по вкусу ее шарлотка.

* * *

К тебе по хлоркой отдающим залам
В сопровожденье главного врача
Вошел, ты спал, на тумбочке лежала
Открытой — «Смерть Ивана Ильича».
Я, пыльный том открыв, как ты в больнице,
Преобразив в парадную жиле,
С утра читая, трудно, по крупичам,
Отсрочил до полуночи ее.
А дальше я дочитывать не буду,
Ты не умрешь, он тоже не умрет,
Я верю чуду, верю в куклу вуду,
И в то, что главный врач правдиво врет.
Иду домой жизнь доживать, сосуды
До блеска чистить чем-то, ждать весны, —
Как шумный город без меня безлюден,
Прохожие грустны, дома грустны.

* * *

Природа начиналась за порогом —
Калитка, поле, лог, река за логом...
Представим, Бог за речкою живет,

А я иду куриной слепотою,
Сплошь желтою, как в детстве, беленою,
И солнце за спиной моей встает.

Вот и река, еще туман слойтся,
Поет в сосне неведомая птица,
Чуть глуховатый по воде шлепок;

В одну струю вкатились два потока,
Ныряют плавни, шелестит осока,
Шумит реки усилившийся ток.

И местный бог к приколу чалит лодку,
Чтоб обменять улов с утра на водку,
Подпрыгивают с рыбой норота.

И дальше Бог, конечно, не за чашей,
А в созерцанье радости творящей
Без нот, без слов, без кисти и холста.

Зачем меня Он поселил далече
От пустоши? С тоскою человеческой
Я вновь и вновь Его воссоздаю:

Бликующим прогретым днем июльским,
Язем, на глубину стремглав порскнувшим...
В подробностях, у жизни на краю.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

1

Прощайте, коалы и панды,
И бурые мишки, прощайте,
На сушу выходят мутанты,
Вы стали не нужны, как гланды.

Прощайте, слоны и пичуги,
В морях — кашалоты-гиганты,
Прощайте, зверюшки, зверюги,
Макак большеротые банды.

Мы вас никогда не забудем,
Вы жертвами стали прогресса,
Бездушные, алчные люди
Лишили вас дома и леса.

Прощайте, леса Амазонки,
Таежные кедры Сибири;
Колибри, стрекозы и пчелки,
Магрибские сони в Алжире.

Вверху кислород убывает
В огромных озоновых дырах,
Никто никогда не узнает
О страусах, зебрах, тапирах.

Когда обожрут гурманы,
А почву сожрут пестициды,
Щедрее покажутся манны
В пустыне Христовой акриды.

Когда откачаем все соки,
А рыба вся сварится в реках,
Вонючие грязные стоки
Прольются в сосуд человека.

И станут ходившие прямо
Без выбора на четвереньки,
Не имут голодные срама,
А жизни не купишь за деньги.

Она даже в смерти желанна,
Горят равнодушные звезды...
Не нефть на земле первозданна —
Вода, атмосфера и воздух.

2

Осинник — дом лося,
А кабана — дубравы.
Без стука, не спросясь
И со своим уставом
Мы входим в дом зверей,
Как в личное жилище;
Доносится с полей
Дух гари с пепелища.
Пустынь на много лет,
Паль выжженная беса,
Их дома больше нет
За узкой кромкой леса.
Пять елок, вещей вран,
Изъезженная трасса,
А к нам придет кабан —
Так мы его на мясо.
Сохатому — меж глаз,
И никакого свинства:
Давно в чести у нас
Закон гостеприимства.
Пожалует лиса,
С порога снимем шубку,
А как весна, леса
Опять закурят трубку.

3

Пусть скорбные Богу осанну поют,
Пусть страждущих губы молитвы возносят,
Пусть лбы во спасенье себя разобьют,
Надежды обрящут — чего не попросят.
Я вместе с другими прошу:
Дай нам днесь,
Покуда дышу,
И сегодня, и здесь
Благую о жизни приветствую весть.
Когда позабудется в клетках геном,
А сам я нездешней субстанцией стану...
Вам в рясах расскажут, что будет потом,
Но я эту жизнь воспевать не устану:
Не роскошь чертогов, не славу чудес,
Не церковь и Бога,
А поле и лес;
Веселые веси
Да баржи с зерном
По Клязьме и Тезе,
Как вздох о быллом.

ПАСЮК 1984 ГОДА

Открытия мы ждали магазина,
Толпа у винно-водочного, слева,
К восьми все ощутимей подпирала,
Давленье возрастало за спиной.
Сейчас не вспомнить, Зоя или Зина
Ходила среди ящиков неспешно,
Как маятник, туда-сюда, но стрелки
Показывали вечность без восьми.
Ее боготворили ровно столько,
Насколько ненавидели, она же,
Публично восседая на витрине,
С издевкою смотрела на часы.
Но вот слегка поправила прическу,
И павою направилась к народу
Советская бутылок королева, —
Чуть от дверей отпрянула толпа...

Из глубины двора большая крыса
Борзей Борзова тотчас стартовала,
Как будто в братьев Знаменских спорткомплекс
Ходила бегать крыса КМС.
Действительно ль гигантскою
Была она? Но память сохранила:
Подернутую голову чуть набок,
Победно устрашающую пасть.

Под женский визг, притоптыванье, хохот
Пасюк влетел в щель приоткрытой створки,
По потрясенным наглостью ступеням
И скрылся прочь, толпа ввалилась вслед.

Доподлинно известно — наши гены
С крысиными на девяносто схожи
Процентов, что болеют диабетом
Они, как мы. Страдают ожиреньем
И связанною с ним
Сердечной недостаточностью.
В общем, они как мы,
А это значит также,
Что выпить и они не дураки;
А пристрастившись, бедные страдают
Зависимостью алкогольной, м-да.
Сказать по правде, мало ли бутылок
О кафель жесткий бьется в магазинах?

У Зины было золотое сердце,
Хоть алкашей и мужа не любила
(причина та же), пасюка поила,
Жалела Зина-Зоя пасюка.
Однако шваброй вон перед уходом
На волю выпроваживала гостя,
Чтоб каждый раз он неизменно в восемь
С толпою штурмом шел на Ла-Рошель.
Всех друг,
Пройдоха, баловень, легенда,
Он первым был у ленточки,
Героя недолгий век был все же предрешен.
Рассказывают, в ростепели краткой,
Он после джина не дошел до дома,
Где мать его старушка дожидалась,
И в лужу ночью шерстью пьяной вмерз.

Кого из века нынешнего вспомню?
Соседа, что живет напротив:
Отряд млекопитающих, семейство
Приматов, вид —
Ното сариенс, пожалуй все на этом
(Он дня серей декабрьского).
Или жену его Аделаиду?
Отряд млекопитающих, семейство
Приматов... Дальше продолжать?
И вот я накануне года мыши
Год мыши вспомнил прошлого столетья,
Реального героя пасюка,
Пар из ноздрей, толпу, мороз и ветер
И загрустил по тяготам совка.